

Критика о поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»

В.Г. Белинский

...«Мертвые души» прочтутся всеми, но понравятся, разумеется, не всем. В числе многих причин есть и та, что «Мертвые души» не соответствуют понятию толпы о романе, как о сказке, где действующие лица полюбили, разлучились, а потом женились и стали богаты и счастливы. Поэмою Гоголя могут вполне насладиться только те, кому доступна мысль и художественное выполнение создания, кому важно содержание, а не «сюжет»; для восхищения всех прочих остаются только места и частности. Сверх того, как всякое глубокое создание, «Мертвые души» не раскрываются вполне с первого чтения даже для людей мыслящих: читая их во второй раз, точно читаешь новое, никогда не виданное произведение. «Мертвые души» требуют изучения. <...>

...«Мертвые души» стоят выше всего, что было и есть в русской литературе, ибо в них глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась с бесконечною художественностию образов, и этот роман, почему-то названный автором поэмою, представляет собою произведение столько же национальное, сколько и высокохудожественное. В нем есть свои недостатки, важные и неважные. К последним относим мы неправильности в *языке*, который вообще составляет столько же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его *слог* (стиль) составляет сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа «Мертвые души» находим мы почти везде, где из поэта, из художника силится автор стать каким-то пророком и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм... К счастью, число таких лирических мест незначительно в отношении к объему всего романа, и их можно пропускать при чтении, ничего не теряя от наслаждения, доставляемого самим романом. <...>

Что касается до нас, то, не считая себя вправе говорить печатно о личном характере живого писателя, мы скажем только, что не в шутку назвал Гоголь свой роман «поэмою» и что не комическую поэму разумеет он под нею. Это нам сказал не автор, а его книга. Мы не видим в ней ничего шуточного и смешного; ни в одном слове автора не заметили мы намерения смешить читателя: все серьезно, спокойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиция, введение в поэму, что автор обещает еще две такие же большие книги, в которых мы снова встретимся с Чичиковым и увидим новые лица, в которых Русь выразится с другой своей стороны... Нельзя ошибочнее смотреть на «Мертвые души» и грубее понимать их, как видя в них сатиру... <...>

(Из статьи «Похождения Чичикова, или Мертвые души»)

А.И. Герцен

...«Мертвые души» потрясли всю Россию.

Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукою мастера. Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения.

(Из статьи «О развитии революционных идей в России»)

...«Мертвые души» Гоголя — удивительная книга, горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную сил национальность. Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз. Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле,

и там и тут одно утешение в вере и уповании на будущее; но веру эту отрицать нельзя, и она не просто романтическое упование ins Blaue, а имеет реалистическую основу, кровь как-то хорошо обращается у русского в груди.

(Из дневника 1842 г.)

...Поэзия Гоголя, его скорбный смех — это не только обвинительный акт против подобного нелепого существования, но и мучительный крик человека, стремящегося спастись прежде, чем его заживо похоронят в этом мире безумцев. Чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтоб в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Гоголь чувствовал — и многие другие чувствовали вместе с ним, — что за *мертвыми душами* есть *души живые*.

(Из статьи «Новая фаза в русской литературе»)

Д.И. Писарев

Дорого русскому сердцу имя Гоголя; Гоголь был первым нашим народным, исключительно русским поэтом; никто лучше его не понимал всех оттенков русской жизни и русского характера, никто так поразительно верно не изображал русского общества; лучшие современные деятели нашей литературы могут быть названы последователями Гоголя; на всех их произведениях лежит печать его влияния, следы которого еще долго, вероятно, останутся на русской словесности.

(Из статьи

«Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю. П.В. Гербеля», 1858)

Н.А. Добролюбов

...Чем далее, тем сильнее высказывалась у Гоголя гуманическая сторона его таланта, и даже вопреки своей воле, в ожидании светлых и чистых идеалов, он все изображал своим могучим словом «бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни». По этому-то пути направился и г. Достоевский.

(Из статьи «Забитые люди»)

Ю.Н. Тынянов

<...> Гоголь необычайно видел вещи: отдельных примеров много: описание Миргорода, Рима, жилья Плюшкина с знаменитой кучей, поющие двери «Старосветских помещиков», шарманка Ноздрева. Последний пример указывает и на другую особенность в живописании вещей: Гоголь улавливает комизм вещи. <...>

<...> Поэтому мертвую природу Гоголь возводит в своеобразный принцип литературной теории. Он говорил, что для успеха повести и вообще рассказа достаточно, если автор опишет знакомую ему комнату и знакомую улицу:

«У кого есть способность передать живописно свою квартиру, тот может быть и весьма замечательным автором впоследствии»...

...«Характеры», «типы» Гоголя — и суть маски, резко определенные, не испытывающие никаких «переломов» или «развитий». Один и тот же мотив проходит через все движения и действия героя — творчество Гоголя лейтмотивно. Маски могут быть и неподвижными, «заплывшими» — Плюшкин, Манилов, Собакевич; могут обнаруживаться и в жестах — Чичиков.

Маски могут быть либо комическими, либо трагическими — у Гоголя два плана: высокий, трагический, и низкий, комический. Они обычно идут рядом, последовательно сменяя друг друга. <...>

(Из книги «Поэтика. История литературы. Кино»)

Г.А. Гуковский

...Если видеть в идейной композиции «Мертвых душ» только *объекты* изображения, только серию отрицательных персонажей и картин, получается как будто неувязка: большой том в несколько сот страниц почти целиком занят изображением всяческой скверны, и вдруг — как вывод из этого моря скверны: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься?» — и образ светлый, образ, несущий твердую уверенность в великом предназначении Руси, и не только в ее великом будущем, но даже и в ее настоящем — в величии того смысла, который имеет ее историческое движение вперед.

...В этой борьбе зла и блага, по Гоголю, непременно побеждает благо, уже потому, что благо, для Гоголя, это сущность характера и бытия народа, а зло — это искажение, классовое и сословное, барское и насильническое искусственное наложение на положительную основу. Победа блага в конце конфликта, образующего сюжет поэмы, и выражена в авторском монологе о тройке, где гоголевский принцип слитно-целостного образа, охватывающего огромный коллектив, в конце концов всю страну, торжествует победу. В этом образе слились и лирическое начало автора и сущность всей Руси.

(Из книги «Реализм Гоголя»)

Д.Н. Овсянко-Куликовский

Отметим, что Герцен видел в поэме «горький упрек» современной ему, т. е. дореформенной, Руси. Тут сквозит мысль, что с течением времени, когда изменится порядок вещей, когда Россия обновится реформами, когда распространится просвещение, тогда исчезнут и все эти уродливые типы — Чичиковых, Маниловых, Собакевичей и т. д., исчезнут и понятия и нравы, им отвечающие. Увы! это была иллюзия. В свой черед Россия обновилась — как могла, но гоголевские типы не исчезли. Они также «обновились» и выступили в новом обличье, но с тою же пустотой в душе, с тою же обезнадеживающею темнотой и пошлостью. Сатира Салтыкова неоднократно пользовалась готовыми типами Гоголя, и в частности указывала на пореформенных Ноздревых. Этот тип, очень русский, удивительно живуч и скандалит и хулиганствует по-прежнему. Жив и Чичиков. Не исчезли ни Собакевичи, ни Маниловы... Стойкость, постоянство, живучесть этих типов зависит, очевидно, от того, что в них схвачены не временные или случайные черты, а коренные, глубоко лежащие «свойства русского человека», которые могут измениться или совсем исчезнуть только после долгого исторического процесса оздоровления русской национальной психологии.

(Из статьи «Гоголь в его произведениях»)

В.Ф. Переверзев

...Самый сложный характер в творчестве Гоголя — это Павел Иванович Чичиков. Образ этот остался неоконченным, но и в неоконченном виде он производит впечатление лучшего из всех образов сложного характера. Здесь Гоголь снова вполне в своей стихии, в мелкопоместной и чиновной среде. Душу Чичикова, этого мелкого помещика, выброшенного в чиновный мир и упрямо пробивающего дорогу назад в поместье, Гоголь знает как свои пять пальцев. Правда, характер этот посложнее всех, с которыми приходилось Гоголю иметь дело раньше; но в нем нет новых психологических элементов, он лишь объединяет в своей особе все черты, разбросанные в более простых характерах. <...>

...Он, несомненно, принадлежит к семейству небокопителей, потому что в его существовании тоже нет решительно никакого творческого смысла. Он так же смешон, как все гоголевские типы, потому что при своей духовной неразвитости он даже не подозревает своего ничтожества и слишком доволен своей особой. Однако, когда вы пытаетесь определить, что это за разновидность небокопителя, вы испытываете затруднение. В его натуре нет ни одной резко выдающейся черты, которую можно было бы положить в основу определения, которая окрасила бы его небокопитительство в определенный, устойчивый

тон. Сейчас он произведет впечатление чувствительной, деликатной природы, а через пять минут удивит вас грубой, кулаческой выходкой; то он прямо подавит вас своей солидностью, то выкинет самое легкомысленное антраша. Он неуловим, как вьюн. <...>

...Среди всех характеров гоголевского творчества Чичиков обладает самой многосторонней и богатой природой. Но, во-первых, эта природа осталась неразвитой, осталась в почти первобытном состоянии, во-вторых, в условиях душевладельческого небокопительства природные способности Чичикова растратились на пустяки и совершенно бессмысленно.

(Из книги «Гоголь. Достоевский»)

И.П. Золотусский

<...> Слуг Чичикова обычно не замечают при Чичикове. Но он без них, как без рук, как, впрочем, и они без него ни мужики, ни дворовые. Эта тройка седоков брички — единая плоть, и именно так и стоит рассматривать население тройки.

Чичиков с чиновниками галантен и обходителен, сыплет цитатами и книжными оборотами, с мужиками он прост и в простоте своей простодушен. «Щекотливый» нос Чичикова морщится от особенного запаха Петрушки, или, как называет его деликатно Гоголь, «воздуха», но тем не менее представить себе Чичикова без Петрушки (и без Селифана) невозможно.

Селифан не только кучер Чичикова, он вожатый его брички, опора ее, он отец родной кауруму, гнедому и чубарому, с которыми он беседует, как с детьми. И если уж только очень его рассердить, то на коней посыплются удары вожжей и прозвища. Чубарого (как самого ленивого) он окрестит «Бонапартом», «пantalонником немецким», а каурого Заседателем. А всех троих вместе — «секретарями».

Это смешно, потому что самого Чичикова и примут в городе N за Наполеона, а Коробочка, когда он начнет торговать у нее «мертвые души», спросит Чичикова, не служил ли он заседателем.

Тройка Чичикова не может тронуться в путь без мужика, не может скакать по Руси без реплик мужика, без его поддакивания или неодобрения. Да и бричку Чичикова, как пишет Гоголь, собрал и снарядил в дорогу ярославский расторопный мужик.

Мужик в «Мертвых душах» подправляет путь брички Чичикова, указывает ей направление, а то и просто вытаскивает ее из грязи. Девчонка Пелагея, которая не знает, где лево, а где право, помогает тройке выбраться на шоссе. <...>

«Мертвые» в «Мертвых душах» присоединяются к живым, встают с ними в один ряд, образуя то живое народонаселение России, без которого эта поэма была бы недонаселена; Гоголь говорит, что Селифан и Петрушка даже не второстепенные и не третьестепенные ее герои, что тут есть лица поважней и так далее. Но он лукавит. Именно эти мужики, а с ними заодно и четыреста душ «мертвых», которых скупил Чичиков в энской губернии, и есть те самые первостепенные герои, которые составляют ее живую плоть.

На небольшом пространстве «Мертвых душ» уместилась вся Русь. Кого тут только нет! Кажется, всех званий и всех сословий коснулся в них Гоголь, никого не обошел. Дворянство, крестьянство, офицерство, губерния, Петербург, трактир и кабаки, катакомбы канцелярий (которые Гоголь сравнивает с кругами ада) и русский необъятный простор. Захочешь ли увидеть русского приказчика — увидишь и его, купца — является и купец, полицейского — есть и полицейский, дам — налицо и дамы. Курьеры, зеваки, работники, половые, хозяева трактиров, моты и скряги, беглые и каторжники, разбойники и дети — все тут есть. Есть даже пророк, потому что не может обойтись русская земля без пророка, хотя, как любил повторять Гоголь, нет пророка в отечестве своем. <...>

«Мертвые души» — центральное и основополагающее творение Гоголя, к которому он подошел с опытом русской литературы, нажитым до него, и, выйдя из которого, русская литература, набрав силу дыхания, стала всемирной. И хотя Гоголь в каждом своем

сочинении ставит перед собой максимальную цель, в этой странной поэме, чье имя «поэма» не объяснено до сих пор, он создает русский «негативный» эпос, перерастающий по ходу дела в апофеоз, равный по масштабам, может быть, апофеозу древних греков.

Были и до Гоголя поэмы, хотя бы в самом названии своем охватывающие предмет крупно и исторически звучно: «Россияда» Хераскова, например. Был пушкинский роман в стихах, но в прозе никто — до Гоголя — не дерзнул охватить Русь «со всех сторон», делая национальное всеевропейским, а всеевропейское национальным.

(Из статьи «Горизонт без конца»)

В.П. Астафьев

В каждой великой литературе есть писатель, составляющий отдельную Великую литературу: Шекспир — в Англии, Гете — в Германии, Сервантес — в Испании, Петрарка и Данте — в Италии. В русской литературе высится вершина, никого не затмевающая, но сама по себе являющая отдельную Великую литературу — Николай Васильевич Гоголь. Однако и в его творчестве есть книга книг, ни от кого и ни от чего не зависящая — «Мертвые души». Книга эта не просто учебник и энциклопедия русского национального характера, но явление высочайшего художественного достижения, с которым, на мой взгляд, трудно сравниться даже и последующей блистательной русской литературе. <...>

...Ирония его и смех его повсюду горьки, однако не надменны. Смеясь, Гоголь страдает. Обличая порок, он прежде всего в себе его обличает, в чем и признавался не раз, страдал и плакал, мечтая приблизиться к «идеалу». И дано ему было не только приблизиться к великим художественным открытиям, но и мучительно постигать истину бытия, величие и расхристанность человеческой морали.

(Из статьи «Приближение к истине»)

С.П. Залыгин

Быть может, никогда и ни у кого не было столь же зоркого взгляда, как у Гоголя.

Он видит характер так, что это уже не только характер, это еще и способ существования определенной группы людей.

Существования по Хлестакову, по Чичикову, по Манилову, по Шпоньке.

Пожалуй, ни одному ученому или писателю не удалось в такой же мере проследить эту связь, так объединить характер с поведением, с мыслью, с жестом, со случайным, казалось бы, возгласом человека. <...>

Такова даже лирика Гоголя — она всегда зрительна, всегда живописна и картинна и, как это ни странно, — всегда гиперболична.

Она лишена элегичности, интимности, изящности, тонкой вдумчивости — она эпична и грандиозна.

Трудно обнаружить у кого-то еще лиризм той же природы, разве только у Гомера, а позже — у Байрона, но Гомер был мифологичен, и этим все объясняется, а Байрон вовсе не лишен был интимности.

Чаще всего Гоголь вот так грандиозно-лиричен в описании природы; он превосходит самого себя, когда рассказывает о том, как чуден Днепр при тихой погоде, и яркость его красок и резкость картины снова ослепляет нас, и вот уже мы восторгаемся своим ослеплением, и вот мы верим, мы убеждены, что в искусстве должна быть и такая лирика, бесподобно яркая и как бы даже громоподобная.

Лицо природы для Гоголя подобно лицу почти неестественно красивой женщины — те же краски и та же предметность, и вот уже чудная римлянка оборачивает к случайному прохожему «снег своего лица», а река у него рыдает, словно мать, провожающая на войну своих сыновей.

Гоголевский художественный взгляд — это взгляд преднамеренный, он выхватывает из действительности только одну какую-то сторону, из этой стороны — одного какого-то

человека, из этого человека — одну черту его характера и лица, одну привычку и один жест, одну интонацию его голоса и слова только одного какого-то свойства...

Такова эта неповторимая, невероятно гиперболизированная зоркость, навсегда причислившая Гоголя к реалистам, возвысившая его до создателя реалистической школы в русской литературе.

Есть над чем подумать по поводу происхождения реализма в искусстве.

Она потом немало изменится, эта школа, она будет претерпевать эволюцию вместе со всем тем, что вкладывается в понятие реальности и реализма, но ее удивительный исток, ее почти нереальное начало никогда не потеряют своего величия и явственного влияния на все последующие поколения писателей.

(Из статьи «Читая Гоголя»)